

ПРОЦЕСС СООРУЖЕНИЯ КУЛЬТОВЫХ ПЕЩЕР НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

© 2018

Степкин Виталий Викторович, кандидат исторических наук, учитель истории

*Павловская средняя общеобразовательная школа**(г. Павловск, Воронежская область, Российская Федерация)*

Аннотация. В статье рассматривается процесс сооружения культовых пещер христианской традиции на территории европейской части России. Обращается внимание на то, что данный процесс зависел прежде всего от характера породы, в которой осуществлялось строительство подземелий. В более мягком, рыхлом грунте стены и кровля выбранного объема укреплялись бутовым камнем или кирпичами. В твердых скальных грунтах дополнительный крепеж, как правило, не требовался. Направление выборки породы осуществлялось здесь с учетом залегания пластов и трещиноватости массива. В процессе работы использовались тесло, лопата, лом и другие металлические инструменты. Строительство шло как в дневное, так и в ночное время. Пространство освещалось при помощи свечей. Организацией деятельности занималась складывающаяся при создании пещеры община при активной поддержке местного населения. Во время строительства могли использоваться чертежи и планы почитаемых подземных святых паломнических христианских центров. В случае переноса сооружения пещеры в официальную плоскость мог приглашаться профессиональный архитектор, как это мы видим на примере самой протяженной в России Белогорской пещеры. Интенсивность труда зависела от половозрастных особенностей работающих и от отношения к данному процессу официальных властей.

Ключевые слова: культовые пещеры; пещеростроительство; трудозатраты; орудия труда; народное православие; Русская православная церковь; Урюпинская пещера; Усть-Медведицкая пещера; Царицынская пещера; Алексеевская пещера; Белогорская пещера; Гороховская пещера; Костомаровская пещера; Калачеевская пещера; Холковская пещера; Мигулинская пещера; Селявинская пещера; Верхне-Ахтубинская пещера; Песковская пещера; Шатрищегорская пещера.

В настоящее время на территории европейской части России насчитывается около сотни пещер, созданных в русле аскетической традиции подземножительства в рамках как народной православной традиции, так и официальной монастырской религиозности в период XVII–XX вв. Данный феномен требует различных ракурсов рассмотрения. Целью данной статьи является реконструкция процесса сооружения данных культовых подземелий. Обращаясь к решению данной проблематики, необходимо заметить, что единой технологии строительства не существовало в связи с тем, что порода, в которой осуществлялась выборка грунта, была различна. Отсюда мы видим разный инструмент пещеростроителей, разные способы подземной проходки и различную систему укрепления стен и сводов. Начнем рассмотрение реконструкции процесса сооружения культовых подземелий на европейской части России с объема выборки в рыхлом, мягком грунте, прежде всего в глинистых отложениях. Надо заметить, что, во-первых, таких пещер меньшинство, и, во-вторых, в силу своей недолговечности мы знаем о них в большей степени из письменных источников, а не натуральных наблюдений. Если речь шла о небольшой пещере, то она выкапывалась лопатой и изнутри обкладывалась либо бутовым камнем, либо кирпичом. Если пещера была более крупных размеров, то ее, при привлечении большого количества трудовых ресурсов, могли создавать, копая траншею и снаружи формируя кирпичной кладкой стены и свод, засыпая грунт.

Создание таких подземелий мы можем проиллюстрировать на примере Волгоградской области. Так, о создании Урюпинской пещеры в XIX в. казачкой Ириной Лазаревой священник И. Семенов писал, что

она, подражая киево-печерским подвижникам, на берегу Хопра вместе с помощницей Анной Усачевой принялась за дело. В результате за несколько лет были созданы «правильные пещеры, выложенные внутри диким камнем и со сводами в окружности не менее 20-ти сажень. Пещеры были снабжены двумя отверстиями в виде небольших дверей, из коих одна служила для входа во внутрь пещер, а другая – для выхода наружу. Спереди пещеры были защищены каменным крытым коридором, также с двумя дверьми» [1, с. 67–71].

В 1784 г. игуменья Усть-Медведицкого монастыря Арсения (Сребрякова) со своими сподвижницами приступила к копанию пещеры на территории обители. Поскольку работа проводилась не в скальном массиве, то это было достаточно опасно. В жизнеописании игуменьи Арсения отмечалось: «Нередко случалось во время работы, что большие глыбы земли падали на пещерниц... Однажды огромный камень вместе с землей свалился сверху и чуть было не убил и самую матушку Арсению. По счастью, стоявшая позади келейница вовремя заметила в своде большую трещину и, не потеряв присутствия духа, успела столкнуть матушку с места, так что упавший камень лишь слегка задел ее за спину, не причинив ей никакого вреда» [2]. Для укрепления пола, стен и сводов эта пещера была обложена изнутри кирпичом. Пещеры Усть-Медведицкого монастыря так описывались посетителем: «Устройством своим они напоминают пещеры Киево-Печерской Лавры: стены, потолки грунтовые, цементированы, пол кирпичный, тоже залит цементом» [2].

В 1910 г. иеромонах Илиодор (Труфанов) произнес речь перед жителями Царицина с призывом приступить к созданию пещер. В. Саввинский так писал

о последствиях этого обращения: «Народ восторженно откликнулся на его предложение. И вот со всех сторон потянулись вереницы носильщиков хлеба, чаю, сахару, арбузов, и все это складывали в помещении типографии. А на утро, чем свет, появились сотни добровольных пещерокопателей – мужчин, женщин, подростков, даже детей, с носилками, кто с ведрами, лопатами, и работа дружно началась... В течение четырех дней до 1 октября весь церковный и другой дворы были изрыты канавами до 3 саженей глубины и 2,5 аршин ширины. Ходы прорываются и под храм, и под все здания. Где будут одни лишь усыпальницы на 5000 человек. В одно и то же время обкладываются кирпичами и делаются своды. План пещер хранится в секрете» [3, с. 15].

Организация создания пещер была также хорошо описана А. Хреновским во второй половине XIX в. В статье, посвященной Алексеевской пещере, он отмечает следующее: «Распределение работающих было организовано самым правильным образом: тридцать человек расположены поочередно один за другим; одни в молчании трудятся заступом; другие в заранее приготовленных решетках и корзинах передают набранную землю следующим и т.д., пока не достигнут выходной двери, – в то же время работающие со вниманием слушают читаемые товарищами акафисты, каноны и др.» [4, с. 608]. Согласно толковому словарю Владимира Ивановича Даля, заступом называлась железная лопата для копания на деревянном черенке.

Создание пещер в скальной породе, песчанике и мело-мергелевых отложениях носило иной характер. Здесь не было необходимости укреплять стены и свод на всем протяжении. Достаточно было лишь заложить породой или кирпичом естественные пустоты и большие трещины, встречающиеся при строительстве подземелий, как это мы видим, например, в пещере Белогорского Воскресенского монастыря. Для иллюстрации процесса сооружения пещеры в мелу рассмотрим архивный материал, посвященный созданию Гороховской пещеры в Подонье во второй половине XIX в. [5, л. 1–10 об.]. Территория Подонья выбрана нами для иллюстрации процесса создания пещер в скальной породе не случайно, так как здесь в меловых обнажениях было вырублено около половины всех культовых пещер на территории европейской части России [6, с. 141–150].

Доминирующим объемом меловой выборки при строительстве Гороховской пещеры являлось пространство подземного храма. Гороховский пещерный храм, наряду с пещерным храмом в Больших Дивах, – один из самых крупных на территории европейской части России [7, с. 208–219; 8, р. 468–474]. Инициатором строительства данной пещеры являлся государственный крестьянин с. Гороховка Павловского уезда Максим Курасов. В 1860 г. Гороховскую пещеру обследовало местное духовенство, сделавшее доклад правящему архиерею Иосифу (Богословскому). На основании данного доклада епископ Воронежский и Задонский послал рапорт в Синод, из которого мы узнаем целый ряд важных деталей, проливающих дополнительный свет на процесс пещеростроительства. *Описание скальной породы:* «Грунт мела в той горе и пещерах сплошной горизонтальный, как у всех флечовых пород, слоистый, удобный для копания пещер, сам указывает направление, и копатель пещер искусно работает – всюду довольно

правильно высеченные арки в коридорах и пещерах» [5, л. 2–2 об.]. Показательно сравнение данного фрагмента рапорта 1860 г. о Гороховской пещере с материалами инженерно-геологического обследования в 1997 г. вырубленной в мелу Калачеевской пещеры коллективом ЗАО «Инженерная геология исторических территорий» (ИГИТ) в составе представителей: О.Е. Вязкова, В.В. Пономарев, О.В. Телин, под руководством доктора геолого-минералогических наук, профессора Е.М. Пашкина. В отчете «ИГИТ» отмечалось: «Наиболее часто встречаема прямоугольная форма сечения хода, что определяется особенностями трещиноватости мелового массива. Поверхности стен, основания и кровли выработок заложены, в этом случае, по почти параллельным субвертикальным и горизонтальным трещинам. Нередки случаи использования полукруглой формы кровли. Она использовалась при отсутствии горизонтальной трещины на нужном уровне, либо для проходки наклонных ходов. Использование в качестве стен поверхности субвертикальных трещин мелового массива определило не только наиболее распространенную форму сечения хода, но и характерное направление прокладки ходов, углы их пересечений, а также специфические проблемы с устойчивостью сооружения» [9, с. 10–11]. Данные материалы говорят о том, что создатели пещер умели не только выбирать оптимальную породу для сооружения подземелий, но и использовать ее особенности, трещины, для облегчения проходки и ее надежности.

Возвратимся к рапорту 1860 г. Иосифа (Богословского). *Описание освещения при строительстве пещеры:* «Ночью освещают пещеры сальными свечами, и постоянно днем и ночью работают не менее ста человек» [5, л. 2 об.]. *Описание выравнивания стен:* в алтаре пещерного храма «найлены две лестницы, доски и лес, посредством коих железными скобелками выглаживают меловые стены» [5, л. 6]. Если говорить не об инструменте отделки стен, а об инструменте непосредственной выборки породы, то необходимо обратиться к *описанию начала строительства Гороховской пещеры Максимом Курасовым:* «Он с 22-го октября 1859 года, взявши железный инструмент, отправился на ту гору и, помолвившись Богу, приступил самоотверженно к делу» [5, л. 7 об.]. Что это был за инструмент, из данного рапорта не видно, но мы можем предположить, что это было тесло, топор, лом и лопата. Данное предположение основано как на следах, оставленных на стенах пещеры, так и на аналогиях, фиксируемых при строительстве других пещер в меловой породе.

Так, обращаясь к архивным сведениям о создании Белогорской пещеры в Воронежской губернии, мы читаем, что их основательница Мария Шерстюкова начала копать пещеру «железною киркой, или, как иначе называют, теслом и тяткой. Чрез несколько дней она во сне увидела духовника своего, киевпечерского иеромонаха, который сказал ей, что она не в определенном от Бога месте начала рыть пещеру, а надобно ей пойти еще далее по течению реки Дона вниз саженей на двести, там найдет она приклоненное к горе тесло, лопату и лоток, чем выносить мел из пещер, и что в этом месте назначено ей копать пещеру и спасаться. Она повинувшись сему сновидению и нашла назначенное ей место и орудия для ископания пещеры» [10, л. 2 об.].

Надо заметить, что для проживающих в центральной России жителей тесло было самым удобным инструментом для начала строительства в меловых отложениях подземелий. Данное орудие часто использовалось в быту в качестве плотницкого инструмента и представляло собой подобие топора, у которого лезвие перпендикулярно топоричу, как у мотыги. При помощи тесла, которое имело зачастую выпуклое лезвие и желобчатую форму, выдалбливались корыта, лодки и другие изделия. Таким образом, желающему преступить к созданию в мелу пещеры не нужно было искать специальный горный инструмент, а можно было воспользоваться обычным плотницким – теслом.

Данное орудие труда было обнаружено автором при обследовании открывшейся пещерной полости при строительстве колокольни у входа в Белогорскую пещеру в 2007 г. Тесло находилось на насыпи у стены. Размер металлической части тесла – 22 / 8,2 / 8,7 см, длина деревянной рукоятки – 47 см. Металл был подвержен коррозии, дерево от ветхости крошилось в руке. Помимо тесла, в пещере была обнаружена одна пара кожаной обуви, киотный крест, деревянная подвеска в форме сердца, восковые свечи, два кремневых отщепа, используемых в качестве кресала [11, с. 118–122].

В Белогорских пещерах Воронежской области в настоящее время, помимо следов тесла на стенах, в нижнем ярусе подземелья мы видим один интересный строительный прием, позволяющий экономить трудозатраты при выборке меловой породы при отсутствии трещин. Он состоял в том, что в скальной породе пробивались две вертикальные штробы по краям проходки, после чего ее середина выламывалась под ударами инструмента, что в свою очередь позволяло экономить трудозатраты.

Использование при строительстве пещер таких инструментов, как лом и топор, мы можем наблюдать на примере строительства Новой Костомаровской пещеры в Воронежской области [12, с. 250–255]. Здесь в начале XXI в. местный житель И.В. Ляховской приступил к созданию культовой пещеры, используя данный инструмент. Отсутствие употребления тесла в его случае объяснимо редкостью данного инструмента в связи с незначительностью крестьянского промысла по изготовлению лодок-долбленок и т.п. Отделившуюся под ударами лома и топора меловую породу И.В. Ляховской собирал лопатой в ведро и высыпал на склон у входа в пещеру.

Выравнивание стен после вырубания в мелу теслом и другим инструментом осуществлялось ранее не только, как мы видим на примере Гороховской пещеры, посредством «железных скобельков», но и при помощи своеобразной штукатурки. Так, исследователи Калачеевской пещеры отмечали: «Поверхность стен и сводов местами оштукатурена мелом либо мелом с суглинком» [9, с. 10]. На гладкую поверхность стен иногда наносился резной орнамент или рисунки христианской символики. Так, например, в Белогорской пещере стены двух помещений были покрыты веерными дисками по примеру народной резьбы по дереву [13, с. 206–212]. В настоящее время Большая Цветная Комната переоборудована под храм Святого Духа, на стенах которого в мелу вырезаны виноградные кисти. Надо заметить, что резьба по мелу стала активно использоваться в настоящее время при оформлении подземного хра-

мового пространства иконами. Вырезанные в меловой породе иконы в начале XXI в. мы наблюдаем при открытии Костомаровского и Холковского пещерных монастырей. Такие иконы, в отличие от выполненных на дереве или железе, меньше подвержены в условиях большой влажности пещер разрушению. Примером украшения меловых стен нарисованными символами могут служить Мигулинские пещеры Ростовской области. Здесь мы видим на сводах и стенах нарисованные кресты, солярные символы, дерево, дом и др. [14, с. 159–165].

Работа в пещерах продвигалась с различной интенсивностью в зависимости от количества пещеростроителей, половозрастных особенностей, отношения к данному труду официальных властей. Проиллюстрируем данный тезис на примере создания Белогорских пещер. Их начала вырубать в меловой породе в 1796 г. пятидесятишестилетняя Мария Шерстюкова. За два года она «выкопала пещеру в горе на восемь сажень по прямой линии к западу» [15, с. 159]. При переводе в метрическую систему 8 сажень – 17,04 м. То есть она в одиночку за год проходила в среднем до 4 сажень, или 8,52 м. При высоте пещерных коридоров около 2 м и ширине около 1 м за два года был выбран меловой объем в 34,08 м³. При условных 300 рабочих 8-часовых днях в году (условные цифры, ориентированные на современные нормы; будем брать их за основу и при других вычислениях) можно подсчитать производительность труда Шерстюковой, которая составляла за 1 час – 0,007 м³, а за 1 день 0,056 м³ выработки.

К 1818 г. пещеры были углублены вглубь склона на 299 аршин (212,29 м) [10, л. 4; 16, с. 27]. То есть с 1798 г. они выросли на 195,25 м. Ежегодный прирост в среднем около 9,76 м, что больше предыдущих темпов строительства в 1,2 раза. Такое увеличение могло произойти за счет помощи Шерстюковой окрестного населения. Но оно было невелико. Это объясняется тем фактом, что Мария и ее последователи подвергались в это время постоянным преследованиям со стороны властей. В этот период средняя норма выработки породы была за 1 час 0,008 м³, а за 1 день 0,064 м³.

Ко времени смерти Шерстюковой в 1822 г. длина пещер составляла около 400 аршин – 284,48 м [17, с. 203–204; 18, с. 288]. То есть за четыре года, прошедшие с 1818 г., пещеры были увеличены на 72, 19 м. Ежегодный прирост пещер – в среднем 18 м, что превышает предыдущие темпы строительства в два раза. А средняя выработка мела составляла за 1 день 0,128 м³, а за 1 час 0,016 м³. Эти четыре года были самым продуктивным периодом в создании пещер. Этому способствовало прекращение активного преследования пещеростроителей после вмешательства в дело лично императора Александра I.

Рассмотрим также трудовые затраты при строительстве другой пещеры в Воронежской губернии, расположенной близ с. Селявное. Для этого данный памятник выглядит оптимально, так как известно время его строительства и количество рабочих рук. Селявинские подземелья начали создаваться в 1851 г. пятидесятилетним Петром Курбатовым. Позже ему начал помогать Никифор Шатов в возрасте 57 лет. Работа велась на протяжении пяти лет [15, с. 153]. При этом было выбрано 480 м³ породы. То есть можно увидеть, что Петру Курбатову, чтобы за 5 лет закончить всю работу, необходимо было бы вырабатывать за 1 час 0,04 м³, а за 1 день, соответ-

ственно, 0,32 м³. Отделочные работы при этом могли бы выполнять его помощник.

Сравним рассчитанные трудозатраты с современными нормами, по которым при проведении аналогичных работ 1 человек за 1 час делает выработку, равную 0,05 м³ [19, с. 181]. Данные показатели выше выработки Петра Курбатова в 1,25 раза и выработки Марии Шерстюковой в 7,14 раза. Данная разница может быть объяснена прежде всего половозрастными особенностями строителей. Приводимые расчеты трудовых затрат показывают не только интенсивность труда пещеростроителей, но и дают возможность рассчитывать в дальнейшем максимальное время, затраченное на сооружение других пещер.

При рассмотрении организации пещеростроительства прослеживается, как правило, следующий сценарий. Начинал их строить один человек. Затем вокруг него складывалась небольшая община единомышленников. Ее представители могли как временно приходить в пещеру для работ, так и постоянно жить при ней. Члены этой общины отличались большей постоянностью в работе по сравнению с массой окрестных жителей, приходящих эпизодически для помощи первостроителям. При этом в общине существовало, как мы видим на основании письменных источников, своеобразное разделение труда. Кто-то строил пещеры, кто-то читал в это время молитвы, кто-то готовил еду... Организация подобных общин хорошо видна при рассмотрении истории Алексеевских, Белогорских, Гороховских, Верхне-Ахтубинских и ряда других пещер. Работы велись, как правило, на безвозмездной основе. Лишь при фиксации рассказов о создании Песковской пещеры в Воронежской губернии был отмечен случай найма рабочих за плату. Его осуществляли сами пещерокопатели, выделяя сумму из пожертвований. Также в редких случаях деньги на устройство пещер выделяло государство, переводя народную активность в официальное русло. Так, например, при создании подземного храма Белогорских пещер был приглашен профессиональный архитектор и выделена сумма на церковную утварь. Но в основном пещеростроители, как правило, из крестьянского сословия сами планировали свой труд. Причем делали эту простую работу весьма профессионально, умея хорошо чувствовать внутреннее подземное пространство. Примером строительства для них могли служить как старые пещеры, расположенные поблизости, так и пещеры, увиденные в других местах. Так, строитель Алексеевских пещер после паломничества в Киево-Печерскую Лавру «возвратился на родину с многочисленным запасом планов и снимков печерских келий, подземных сообщений, видов гор и проч., что навело его <...> на <...> мысль об устройстве чего-нибудь подобного в слободе Алексеевке» [4, с. 106]. Профессионализм пещеростроителей проявлялся и в умении определять водоносные горизонты. Например, в одном из помещений Мигулинских пещер был обустроен родник, действующий до настоящего времени.

Рассмотренная последовательность субъектов пещеростроительства: подвижник – община – местное население – более характерна для XIX в. в рамках народной православной традиции. При сооружении пещер в рамках монастырской аскетической традиции подземножителства Русской православной церкви работы проводили непосредственно сами

иноки без привлечения местного населения, как это мы видим на примере обустройства пещеры в Усть-Медведицком монастыре во второй половине XIX в. Обустройство пещер в XVIII в. также не должно было привлекать окрестное население, но не столько по аскетическим мотивам, сколько из-за жесткого преследования народных пещерокопателей со стороны официальных властей. Для периода XVII столетия мы видим также обустройство пещер, но в рамках официальных церковных институтов. Так, до нашего времени дошла «Челобитная попа Милентия Иванова о пострижении и поселении в пустой церкви в 15 верстах от г. Коротояка...», датированная 70-ми годами XVII в., и «Указ царя Федора Алексеевича митрополиту Мисаилу...» в ответ на нее, в котором говорилось о пострижении Милентия в монахи и поселении его при пустующей в меловой горе церкви «во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа, рекомая Шатришах» [20, л. 52–55 об.]. В дальнейшем обустроенный здесь Шатришегорский Преображенский пещерный монастырь был упразднен в 1764 г. в результате секуляризационной политики государства. В XIX в. его пещеры продолжали обустраиваться в рамках народного православия [21, с. 306–308]. Сходный исторический процесс протекал и в находящемся неподалеку Дивногорском монастыре [15, с. 149–181]. В результате мы сталкиваемся с фактором присутствия на одном памятнике нескольких строительных этапов сооружения, что затрудняет процесс реставрации первоначального архитектурного облика подземелий.

Таким образом, проанализировав процесс сооружения культовых пещер на европейской части России, мы выявили разные способы подземной проходки и используемый для этого инструмент, различную систему укрепления стен и сводов в зависимости от грунта выборки внутреннего объема, рассчитали необходимые для этого трудозатраты и организацию деятельности.

Список литературы:

1. Семенов И. Несколько слов о явлении св. иконы Божией Матери в ст. Урюпенской Хоперского округа // Донские епархиальные ведомости. 1891. № 2. С. 67–71.
2. Игуменья Арсения, настоятельница Усть-Медведицкого монастыря Области Войска Донского. М.: тип. Н.И. Гроссман и Г.А. Вендельштейн, 1913. 244 с.
3. Саввинский В.И. О Илиодор, его личность, жизнь, труды и экономическое значение для гор. Царицына и нечто о пещерах. Царицын: тип. Виноградовой, 1911. 16 с.
4. Хреновский А. Алексеевские пещеры // Воронежские епархиальные ведомости. 1875. № 13. С. 606–609.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 796. Оп. 141. Д. 709. 1860 г.
6. Степкин В.В. Пещеростроительство как вид христианского подвижничества в лесостепном Придонуе // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 141–150.
7. Агапов И.А. Гороховская пещера – крупнейший пещерный храм Среднего Подонья // Спелеология и спелестология: мат-лы II междунар. науч. заоч. Конф. 24 ноября 2011 г., Набережные Челны. Набережные Челны: НИСПТР, 2011. С. 208–219.

8. Gunko A., Stepkin V., Kondratyeva S. Cave temples in the Don region, Russia and Ukraine // Proceedings of International Congress of Speleology in Artificial Caves Hypogea 2017, Cappadocia, Turkey, 6/10 March 2017. Cappadocia, 2017. P. 468–474.

9. Пашкин Е.М. Инженерно-геологическое обследование состояния Калачеевской пещеры: Техническое заключение. М., 1998. Рукопись. Хранитель – адм. Калачеевского района Воронежской области.

10. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 4036–а. 1840 г.

11. Степкин В.В. Материальная и духовная культура пещерокопателя донской лесостепи конца XVIII в. (по материалам закрытого комплекса Белогорского монастыря) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 118–122.

12. Степкин В.В. Феномен пещерокопательства на Среднем Дону в XXI веке. Новая Костомаровская пещера // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. С. 250–255.

13. Степкин В.В. Рисунки-граффити Белогорского пещерного комплекса // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: тез. докл. науч. конф. Липецк, 1999. С. 206–212.

14. Степкин В.В. Мигулинские пещеры // Донская археология. 2001. № 3–4 (12–13). С. 159–165.

15. Никольский П.В. Монашество на Дону в XIX веке. Очерк 1. Пещерокопательство в XIX в. // Воронежская старина. Вып. 9. Воронеж: Издание Воронежского церковного историко-археологического комитета, 1910. С. 149–181.

16. Креховский Н. Белогорские пещеры. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1878. 90 с.

17. Веселовский Г.М. Город Острогжск (Воронежской губернии) и его уезд. Воронеж: Типография Губернского Правления, 1867. 220 с.

18. Степкин В.В., Гулько А.А. Белогорский пещерный комплекс: морфометрия и социальный аспект // Спелеология и спелестология: сб. мат-лов IV междунар. науч. заоч. конф. Набережные Челны: НИСПТР, 2013. С. 277–290.

19. Строительно-монтажные работы. Нормы, расценки, правила / сост. Л.Ф. Гайдар, П.М. Косенко. Киев: «Будівельник», 1983. 576 с.

20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола. Д. 921. 1676 г.

21. Степкин В.В. Пещеры в урочище Шатрище на Среднем Дону в XIX в. по материалам РГИА // Спелеология и спелестология: сборник материалов VIII междунар. науч. конф. Набережные Челны: НГПУ, 2017. С. 306–308.

CULT CAVES BUILDING ON THE TERRITORY OF EUROPEAN RUSSIA

© 2018

Stepkin Vitaly Victorovich, candidate of historical sciences, history teacher
Pavlovskaya Secondary School (Pavlovsk, Voronezh Region, Russian Federation)

Abstract. The paper deals with cult caves building on the territory of European Russia. The author draws attention to the fact that the process primarily depended on the nature of rock formation where the caves were constructed. In a softer and loose ground the walls and the ceiling were strengthened by armour stone or bricks after taking up the rocks. There was no need in additional fastening of hard rocky ground. The waling was done according to the beds and rock jointing. An adze, a spade, a crowbar as well as other metal tools were used. Construction works proceeded both during the daytime and at night. The space was lighted with candles. The work was organized by the community formed during the cave construction with an active support of the local population. Drawings and plans of venerated underground holy places in Christian pilgrimage centres could be used for construction works. In case of making the cave construction official a professional architect could be invited, the example of it could be Belogorskaya cave which is the longest one in Russia. Intensity of work depended on the age and gender characteristics of the employed and official authorities.

Keywords: cult caves; cave digging; work effort; trade tools; folk Orthodoxy; Russian Orthodox Church; Uryupinskaya Cave; Ust-Medveditskaya Cave; Tsaritsynskaya Cave; Alekseyevskaya Cave; Belogorskaya Cave; Gorokhovskaya Cave; Kostomarovskaya Cave; Kalacheyevskaya Cave; Kholkovskaya Cave; Migulinskaya Cave; Selyavinskaya Cave; Verkhne-Aktubinskaya Cave; Peskovskaya Cave; Shatrishcegorokskaya Cave.

УДК 94 (47).08

DOI 10.24411/2309-4370-2018-14215

Статья поступила в редакцию 09.06.2018

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

© 2018

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России

Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. В статье проанализированы изменения, произошедшие во второй половине XIX века на территории Оренбургского края в отношении системы образования в казахской среде. Показана роль этих изменений как для реализации имперской политики аккультурации, так и для формирования казахской интеллигенции. Автор рассмотрел процесс формирования казахской интеллигенции на территории Оренбургского края как результат вестернизации части казахского этноса под влиянием русско-светского просвещения и